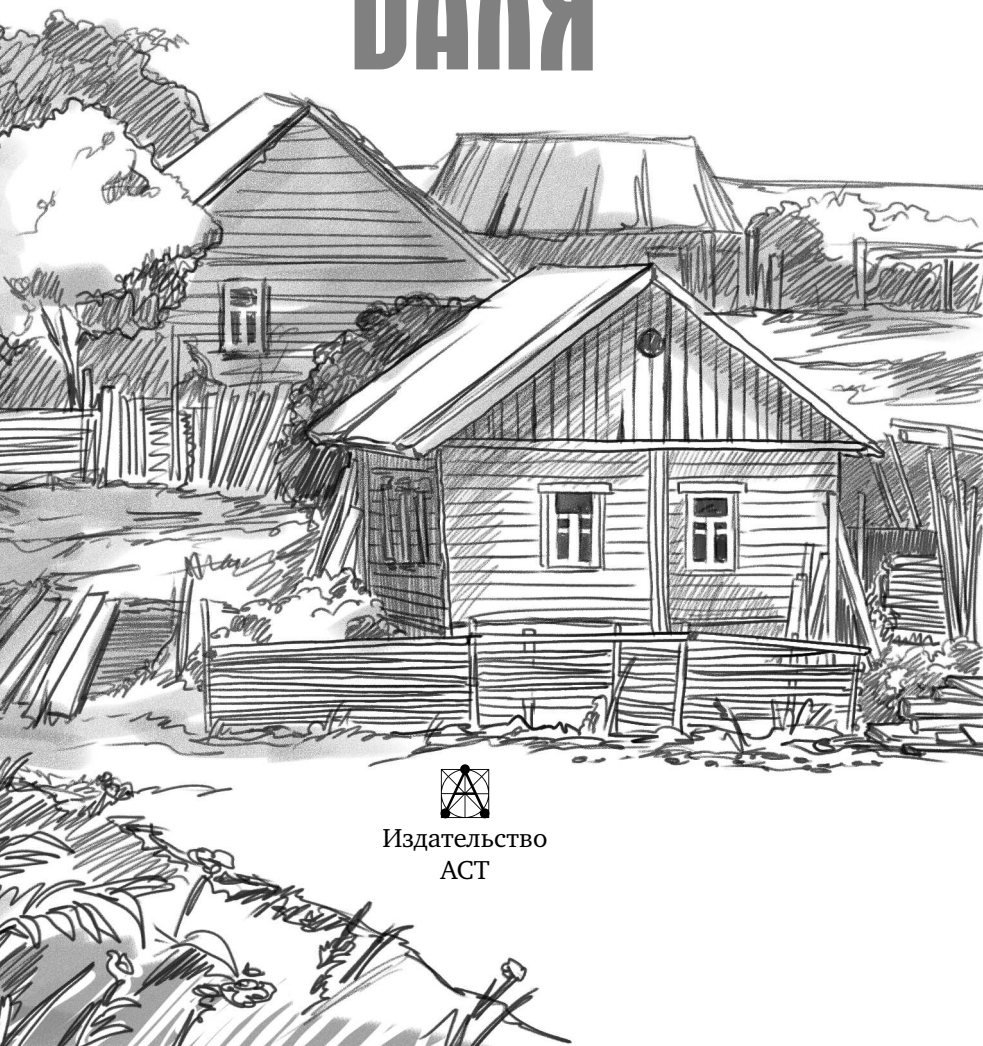

Л. КАНДЫБОВИЧ
ПАПА ВЕРНЁТСЯ.
ВАЛЯ

Издательство
АСТ

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К19

Кандыбович, Лилия Викторовна.

К19 Папа вернётся. Валя / Л. Кандыбович. — Москва: Издательство АСТ, 2026. — 174, [2]с.; ил. — (Моя Родина).

ISBN 978-5-17-178295-5.

Лилия Викторовна Кандыбович — современная писательница, член Союза детских и юношеских писателей, а также почётный работник общего образования и заслуженный учитель РФ.

«Папа вернётся. Валя» продолжает серию книг, которые были написаны автором на основе реальных событий, по воспоминаниям их участников и архивным документам. Маленькая Валя живёт со своей семьёй в маленьком южном городе. Но их счастливая жизнь рушится, когда приходит война. Любовь мамы и брата, вера, что папа вернётся живым — вот спасение из новой страшной реальности.

Для среднего школьного возраста.

УДК 821.161.1-93
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Кандыбович Л. В., 2026
© Крашенинникова С. А., ил., 2026
© ООО «Издательство АСТ», 2026

*Моим родителям и всем детям войны
посвящается*

Глава 1 **ВОЙНА**

Узкая улочка спускалась с крутого бугра и устремлялась в город, петляя между небольшими домами с клумбами и палисадниками. Жаркий ветер гнал облачко пыли, то закручивая его в небольшую воронку, то роняя на дорогу. Наконец ветер пыхнул жаром и швырнул песчинки к босым ногам двух девочек, игравших на скамейке у невысокого забора.

Пятилетняя Валя пристроила тряпичную куклу на скамейке и положила перед нею лист подорожника с хлебными крошками.

— Стюра, сейчас к нам гости придут.

— А я тебе гостинец принесла. — Маруся усадила свою куклу рядом со Стюрой и добавила на листок два цветочных бутона.

Вдруг над головами девочек что-то пролетело, и на кукольное угощение шмякнулась огромная серая лягушка. Мгновение она лежала не шевелясь, затем дёрнула лапками и сделала шаг. Девочки с визгом отскочили от скамейки. За их спинами раздался хохот. Обернувшись, они увидели, как соседский мальчишка Генка Сыч, сгибаясь пополам от смеха, хлопает себя по коленкам.

— Опять ты, Генка, пристаёшь!

В это время лягушка пришла в себя и спрыгнула со скамейки прямо на ногу Вали. Девочка снова взвизгнула.

— Ты же сама приглашала в гости. Вот лягуха и пришла, — продолжал издеваться Генка, скривив рябое от оспин лицо.

— Ну, Генка! Скоро папа вернётся!.. — Валя подбежала к обидчику. И хотя он был на голову выше и значительно старше, она бесстрашно сжала худенькие кулачки. — Он тебе... он тебе уши надерёт!

— Ой-ой-ой! Испугался! Щепечиха, Щепечиха! — заплясал Генка, увидев, как задрожали Валины губы. Он сунул руки в карманы и зашагал вниз по улице.

— Я не Щепечиха, а Щепеткова Валентина Фёдоровна! Папа так сказал!

— Дурак он. — Маруся с презрением посмотрела на Сыча. — А ты Женику скажи,

он этому Сычу так задаст, что тот больше не подойдёт к нам.

Девочки собрали кукол и скрылись во дворе.

В центре двора росла акация, и Валя точно знала, что это дерево здесь главное. Во-первых, потому что оно доставало ветвями до неба, а во-вторых, всё во дворе располагалось вокруг него — два одинаковых дома с белёными стенами, два одинаковых огорода, начинавшихся за сараями и тянувшихся до самой степи. В одном доме жила семья Вали, а в другом дядя Максим, мамин брат, с женой Шурой. Акация укрывала своими ветвями две скамьи и большой стол, за которым по вечерам собиралась вся семья. А ещё приходили соседи — Марусины родители. Именно там взрослые обсуждали свои дела, строили планы, пели песни по вечерам. А пока девочки разложили на столе своих кукол.

Из дома вышла мама и стала разбрасывать по сторонам зерно и созывать кур, которые бродили по двору, когтистыми лапами разгребая сор в поиске зёрен. Белый красавец Петух Петухович ходил рядом, гордо поглядывая на своё семейство.

Услышав знакомое «Тип, тип, тип!» куры кинулись к угощению и принялись жадно клевать.

— Мама-а-а-а!.. — увидев мать, зарыдала Валя и с разбегу уткнулась в мамин передник. — Генка... он... обзывается...

— Глупости он говорит, а ты слушаешь. — Мама опустилась на ступеньку и погладила дочку по белым, как ковыль, косичкам. — Чем грустить, давай лучше мы с тобой блинов напечём. Целую гору! Папа вернётся с работы, мы позовём Марусю с родителями...

— Надя, Наденька! — Во двор, размахивая конвертом, вбежала тётя Шура. — Максим письмо прислал!

— Так читай скорее, — радостно заторопила её мать.

Шура опустилась на скамью, отдышалась немного и принялась читать:

«Дорогая моя жена Шурочка! Хоть и далеко я от тебя, на самом Дальнем Востоке, но думаю о тебе каждый день. А пока оберегаю вас от Японских войск, которые могут напасть в любую минуту. Скоро я закончу службу и вернусь к тебе, моя любимая».

— Вот видите, Максим скоро из Армии вернётся. — Шура на мгновение подняла голову, глянула на Валю и продолжила. — *«Я служу хорошо. Недавно мне объявили благодарность за то, что задержал вражеского шпиона. А было это так. Мы патру-*

лировали город, следили за порядком. Идёт нам навстречу офицер. Вроде обычный лейтенант. Мы ему честь отдаём, и он вскинул руку к фуражке. Да только вижу я, его большой палец в ухо нацелен, будто почесать его задумал. А ладонь к нам вывернул так, что хоть судьбу по ней читай. «Стоп! — говорю я. — Предъявите ваши документы». И в комендатуру его отвели. А там уже выяснили, что это шпион-диверсант. За это мне благодарность объявили».

— Вот такой наш дядя Максим герой. — Мама смахнула слезу.

Валя сидела, прижавшись к маме. Мама рядом, папа придёт с работы, дядя Максим вернётся из Армии — чего ещё хотеть?

Валя принялась мечтать, как приедет дядя, привезёт гостинцы, и они все вместе будут есть сладкий арбуз. Так мама сказала. А ещё она сказала, что Валя подрастёт и пойдёт в школу, научится читать, и папа купит ей самые красивые книжки.

Но её мечты прервал громкий стук калитки. Во двор влетел высокий парнишка с копной чёрных, слипшихся от пота волос. Он тяжело дышал после бега и сбивчиво пытался что-то сказать:

— Мам... тётъ Шур...

Перепуганная тётя Шура выронила из рук письмо, которое любовно разглаживала на своём колене.

— Что случилось, скаженный?

— Война! — задыхаясь, выговорил Женик, откидывая чёрные волосы. — Сейчас... по радио Молотов выступал. Там в парке... мы слышали!

«И чего он кричит? — подумала Валя. — Так хорошо было. А тут война какая-то».

— Боже мой! — Мама закрыла ладонью рот, словно боялась, что оттуда вылетит крик, такой же, как вырвался у тёти Шуры.

Другой рукой мама крепко прижала к себе дочку.

Глава 2

ПРОВОДЫ

После страшного известия время тянулось так медленно, что Женику казалось, будто оно и вовсе остановилось. Он сделал кучу разных дел, обсудил с Мишей и Юркой последние новости, поругался с Валеёй, кому поливать огород, принёс матери воду на кухню, но день всё тянулся, тянулся. И не было ему конца, как дороге, ведущей к горизонту.

«Скорее бы отец пришёл. Он скажет, что делать. Хотя, может, он ещё ничего не зна-

ет». — Обрывки тревожных мыслей роились в голове мальчика.

Он вышел за калитку, уселся на скамейку и достал из штанов складной нож. Начертив на земле круг, принялся бросать нож в землю. С пальца, с ладошки, с локотка, с плеча. Женик лучше всех на улице играл в ножички, но тренировка не повредит. И он снова и снова бросал нож, то и дело поглядывая на улицу.

Наконец из-за поворота показалась группа мужчин в поношенных спецовках и пыльных кепках. По угольной пыли, въевшейся в их брови и ресницы, было понятно — это шахтёры возвращаются после смены. Среди них Женик сразу заметил отца. Сухощавый, высокий, с крупным носом и острым взглядом, он шагал, широко расставляя ноги и сжав в кулаки большие сильные руки. Из-под кепки, сдвинутой на затылок, выбивался тёмный кудрявый чуб.

Мужчины перебрасывались короткими фразами, но без обычных шуток и смеха. Даже самый молодой и смешливый Сашок сегодня помалкивал.

Отец кивнул товарищам и направился к калитке.

— До завтра, Фёдор Андреевич, — крикнул ему вслед Сашок. — Увидимся в военкомате.

— Такие, брат, дела... — Вздохнул отец, словно отвечая на немой вопрос сына.

Едва они вошли во двор, к ним бросилась мама.

— Федя, что же теперь будет? Война ведь!

— Знаю, — хрипло ответил он и закашлялся, словно пытаюсь очистить лёгкие от угольной пыли. — Завтра в военкомат пойду. Мы всей бригадой пойдём.

— Не пущу! — зарыдала жена, вцепившись обеими руками в куртку мужа и заглядывая ему в глаза. — Ты же с финнами воевал, раненый вернулся! Пусть теперь другие...

Отец ласково обнял жену, но голос его прозвучал твёрдо и сухо:

— Это не обсуждается.

Женик почувствовал, как защипало в носу. Он прижался лбом к спине отца и сморгнул с ресниц две тяжёлые капли.

Так и стояли они посреди двора, обнявшись, под старой акацией, которая старалась укрыть их своими ветвями от грядущих бед.

Из военкомата отец вернулся к вечеру. Хмурый, он тяжело опустился на скамейку, бросил кепку на стол. На его лице, с въевшимися на всю жизнь крапинами угля, выступили крупные капли пота.

Прислонился спиной к дереву и закрыл глаза. В его ушах всё ещё звучал шелест бесконечных бумажек и голосов военных чиновников.

Женик молча присел рядом. Мать железным ковшиком зачерпнула воды из ведра, стоявшего на крыльце, и поднесла отцу.

— Ну, что сказали?

— Отказали! Сказали, что надо в шахте работать, уголь давать. — Отец махнул рукой и сделал несколько глотков. — Народу там — не протолкнуться. Сашка́ нашего взяли. А какой с него вояка? Пацан ведь! Я уже на войне побывал, с оружием обращаться умею, а мне «Поработайте пока, стране уголь нужен».

Женик явственно услышал с каким облегчением выдохнула мать.

— Пап, а Сашок уже ушёл? Или домой ещё зайдёт попрощаться?

— Зайдёт. — Отец помолчал и добавил: — А я буду ходить в военкомат, пока не заберут. Надо же всем миром навалиться, чтобы отогнать эту погань, а потом и в шахту обратно можно, уголёк кидать.

На твёрдой, местами потрескавшейся от августовского жара земле, среди двора Женик и Юрка играли в ножички. На всей улице Женик считался лучшим игроком.

Вот и в этот раз он ловко кидал нож в расчерченный на земле круг, отрезая себе куски Юркиной территории после каждого удачного броска.

Юрка был лучшим Жениным другом. Они с первого класса учились вместе и сидели за одной партой, да и жили по соседству. Их дворы разделял невысокий забор, маленькая калитка в котором никогда не закрывалась. Юркина сестра Маруся дружила с Вале́й, родители часто по вечерам собирались у Щепетковых во дворе под акацией и пели песни.

— И как это у тебя так ловко получается? — с завистью произнёс Юрка, с трудом уместя ногу на оставшейся своей земле.

Женик усмехнулся:

— Ладно, учись, салага, пока я добрый. Ты сначала научись кидать нож, чтобы он втыкался в землю, а не плашмя падал. Бросай резко, с силой. Направь ножик так, чтобы лезвие на границу не попало и чтобы части большими были. Вот смотри, как надо.

Женик несколько раз метнул нож, и каждый раз лезвие впивалось в землю.

— Вот так и немцы отрезают нашу землю по кусочку. — Юрка бросил нож, но тот снова плашмя шлёпнулся на землю. Круг-

лое веснушчатое Юркино лицо порозовело, а взгляд переместился куда-то в сторону.

— Вон Мишка бежит, — проговорил он, с удовольствием переводя тему.

Рядом с высоким худым Жеником и плотным круглолицым Юркой их одноклассник Миша казался щуплым и маленьким третьеклашкой.

— Слыхали, завтра на фронт новобранцев отправляют? — выдохнул он. — И папку моего...

— А ты как хотел? По радио говорили: «Идут тяжёлые бои», — буркнул Юрка. — Уже два месяца.

— А тётё Нине принесли эту... — Слово «похоронка» застряло у Женика в горле, царапало до боли и никак не хотело звучать. — Бумагу... Хороший он был, Сашок. Весёлый.

В конце пустынной улицы показался человек. Что-то знакомое было в том, как широко расставлял он ноги при ходьбе и взмахивал рукой.

— Папка! — вскрикнул Женик.

Коротко подстриженный, без вздыбленного кудрявого чуба, он казался чужим. Даже взгляд из-под лохматых бровей был какой-то незнакомо-серьёзный.